

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.22
doi: 10.18101/1994-0866-2016-5-199-211

АКТУАЛЬНАЯ ПОЭТИКА БЫЛИНЫ Статья 2

© *Игумнов Андрей Георгиевич*

доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670042, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: anigumnov@mail.ru

В статье рассматриваются комментарии и ремарки былинных сказителей, сделанные ими по ходу исполнения былин. Главный аспект при этом делается на том, как в комментариях и ремарках выражаются неосознаваемые представления сказителей о былинной поэтике. Одна из особенностей ее, видимая из комментариев и ремарок и ставящая былинку в один ряд с некоторыми текстами с развитой повествовательностью, — это стремление сказителей к максимально возможной полноте и ясности повествования, доходящей до явной чрезмерности. При этом речь идет не о родовых (эпических) и не о жанровых (былинных) особенностях поэтики. Достаточно обратиться к украинским думам, русским мифологической прозе или волшебной сказке, чтобы увидеть тексты лапидарные и, напротив, предельно распространенные за счет все той же информационной полноты и исчерпанности. Но и некоторым былинным текстам эта информационная полнота свойственна. В этом смысле в названии статьи указывается все-таки материал, на котором она написана, но не его жанровые особенности.

Ключевые слова: былина, поэтика, исполнение, сказительские ремарки и комментарии.

В предыдущей статье [1] было начато рассмотрение комментариев и ремарок былинных сказителей, сделанных ими по ходу сказывания. Общая логика предпринятого исследования (начатого в предыдущей статье и продолжаемого в настоящей) состоит в следующем. Мы прекрасно знаем, что такое былина, но это знание более эмпирическое, нежели сколько-нибудь строгое, то есть выражаемое в ограниченном круге строгих терминов. Конечно, таковых в нашем распоряжении достаточно, прежде всего это понятия жанра и рода, а также более частные по отношению к ним, но главный, и неизбежный, их недостаток — конвенциональность и заведомая нестрогость. В результате определение любого фольклорного жанра — это есть развернутое описание его поэтики, истории, бытования и прочих качеств. С этим приходится и, судя по всему, придется мириться и далее, в силу са-

мого по себе большого объема указанных понятий. Слишком уж много и слишком уж разных текстов по научной традиции объединяются в жанровых рамках той же «былины» или «исторической песни». Как следствие, и сами эти жанровые понятия теряют строгость. В свое время В. Я. Пропп пользовался понятием область как более общим по отношению к жанру. Этот подход развития не получил, и даже авторитет Б. Н. Путилова [2, с. 172] не возродил забытую, казалось бы, идею Проппа. Помимо известной косности самой научной традиции причиной тому стали, очевидно, неисчерпанность эвристических возможностей традиционной родо-жанровой таксономии во времена Проппа и неактуальность проблем жанровой классификации в настоящее время. Но сама проблема нестрогости определения фольклорного жанра как такового актуальности все же не утратила. Слишком уж масштабные и разнокачественные во всех смыслах аспекты фольклорного текста призвано объединять в некое системное единство понятие жанра.

Возвращаясь к вопросу традиционности vs нетрадиционности концепции В. Я. Проппа, нужно особо заметить, что ее нетрадиционность состоит единственно в дальнейшем дроблении материала: вместо одного жанра, допустим, исторической песни, мы получаем несколько жанров, при том что само понимание жанра остается вполне традиционным, мыслится как некое исторически сложившееся, то есть *закономерное*, единство формы и содержания, плюс формы бытования и мелодические особенности (для песенных жанров). Тем самым проблема фольклорного жанра как таковая не решается, лишь переводится в своего рода количественный аспект, но не качественный. В связи с этим нельзя не вспомнить утверждение Б. Н. Путилова о неясности с набором релевантных для фольклорного жанра признаков [2, с. 167–183], каковая (неясность) косвенно и свидетельствует, на мой взгляд, о исчерпанности традиционных подходов к решению проблемы фольклорного жанра. Тут стоило бы еще заметить, что и сама постановка вопроса о некоем наборе релевантных признаков фольклорного жанра выглядит несколько схоластичной, ориентированной на традиционное литературоведение. В собственно литературном (т. е. несредневековом письменном) тексте многое зависит от авторской индивидуальности и, значит, никак не связано с жанровыми, то есть закономерными, особенностями текста. В фольклорном же тексте практически ничего от индивидуальности его исполнителя не зависит, из чего и следует, что в нем закономерно *все*, начиная от морфологии слов и заканчивая аксиологией исполняемого произведения. Следовательно, жанрово значимыми являются все мыслимые качества фольклорного текста, то есть все они должны учитываться при жанровых классификациях и квалификациях. Иное дело, что неизбежные пересечения этих качеств между заведомо различными жанрами потребуют поиска особой *системы* этих пересечений. В свою очередь, эта система (если она будет обнаружена), возможно, заставит переосмыслить (или вовсе переkreпить) традиционную систему фольклорных жанров, вводить новые или актуализировать какие уже известные критерии жанрового порядка.

В настоящей статье речь об этой гипотетической системе пойдет лишь подспудно. Предметом исследования в ней избираются лишь ремарки и комментарии сказителей, из которых можно заключить, какие качества былинной поэтики актуальны для восприятия ими собственных текстов.

В предыдущей статье [1] в таком качестве рассматривались былинные концовки, типа «Конец», «Более всё», «Еще тем былиночка покончилась». Они интерпретировались как необязательное для былины, но проявление некоего общего закона, актуального для текстов с развитой повествовательностью, то есть с развитыми фабулой и, соответственно, сюжетом, потенциально могущими развиваться бесконечно. Было высказано предположение, что именно эта потенциальная бесконечность и требует слова «конец», сигнализирующего слушателю, что «дальше ничего не будет». Иными словами, эта особенность поэтики ставит былину в один ряд с некоторыми текстами с развитой повествовательностью, но *не характеризует* ее ни в родовом отношении (эпический анекдот в таком завершении не нуждается), и уж тем более не носит узко *жанрового* характера, но лишним раз подчеркивает такое важное и для настоящей статьи качество былинной поэтики как «необходимость» фабульной завершенности, т. е. своего рода *исчерпанности* былинной фабулы в каждом исполнительском акте. (В реальной жизни вовсе не все былинные тексты выглядят фабульно исчерпанными, но такие отступления от некоей «идеальной» былинной поэтики нуждаются в специальном рассмотрении.)

Но более интересны, конечно, ремарки и комментарии иного рода.

Прежде всего это ремарки и комментарии, демонстрирующие стремление сказителей к своего рода *информационной исчерпанности и ясности* повествования. На уровне фабулы собственно былинного текста эта исчерпанность проявляется хотя бы в полном и окончательном разрешении фабулообразующей коллизии: в частности, враг полностью разбит и даже зарекается за себя и своих внуков и правнуков когда-либо еще бывать на Святой Руси, Ставр выпущен из темницы, а князь Владимир признал обоснованность супругой его хвастовства. На уровне предметности это стремление проявляется в чрезвычайной насыщенности текста квази-бытовыми деталями: в частности, сказитель может обстоятельно описать порядок седлания коня и посчитать нужным указать на достоинства именно такой упряжи, какой пользуется богатырь. (Разумеется, подобного рода исчерпанность и конкретность свойственны не всем былинным текстам, но этот «изъян» фольклористы склонны объяснять более недостатком у сказителя мастерства, нежели реализацией одного из возможных вариантов былинной поэтики. Точнее, наоборот: наличие этих и подобных мотивов свидетельствует о владении сказителем арсеналом былинных формул, следовательно, по отношению к сказителям, произнесшим более «бедные» в этом отношении тексты, молчаливо подразумевается обратное.)

В ремарках и комментариях это стремление к максимальной ясности и исчерпанности повествования проявляется прежде всего в переводе былинных имен, слов или формул на современный сказителю и собирателю язык

(если он даже сам их точно не знает) или в уточнении их значения, или в поиске аналогий им в знакомой сказителю реальной действительности, или в указании на «место происхождения» былинной реалии, или, наконец, в поисках необходимого уточняющего сравнения сказитель может даже сделать комплимент собирательнице ((1) – j)):

(1)

а)

В то время, в ту пору ихней братии был бохатырь (*мы их называем ста-
нищники*)....

[Аст. I, № 40, ст. * 22]

* Указываются комментируемые сказителем строки текста – «ст.»; для прозаических текстов указываются страницы – «с»; если строки или страницы не указаны, значит, это последние слова текста.

б)

Тогда он поворотил коня въезд (*на взвоз*)...

[Аст. I, №, 47, с. 331].

** Кто именно и в каких обстоятельствах — здесь и далее в подобных случаях очевидно не имеет значения.

с)

Ему вестовой (*дежурный, значит*)...

[Аст. II, № 153, с. 321].

д)

У дверей стоят придверники

(Это по-досюльному — теперь часовые называются)...

[Аст. II, № 161, ст. 54].

е)

«Отец мой родитель, пояждяй в стольной Киев-град, купи бурушка
троелеточка (*по нашему – коня*)»...

[Аст. I, № 93, с. 501].

ф)

«Ты ступай, Соломан, во кован дарец»...

(*Сундук. — примеч. исполнителя*).

[Аст. II, № 103, ст. 162].

g)

Да пугови у его были вальчнныя,

Того ли вальянку краснозолоту

(Это дорогое золото)...

[Аст. I, № 16, ст. 17 18]

h)

«Не сибирьского соболя — заморьского».

(С Камчатки, верно)...

[Аст. I, № 13, ст. 50]; аналогично: [Аст. I, № 16, ст. 15–16].

i)

Она платиком махала — не видит он

(Вроде сигнала)...

[Аст. I, № 14, I, ст. 354].

j)

«Таку бы — девица ростом равна.
(Как Вы)...»

[Аст. I, № 46, ст. 17].

См. также, например: [Аст. I, № 11, ст. 50–51; № 14 – I, ст. 90–93; № 18, ст. 54; № 35, ст. 84–85; № 98, ст. 26–27].

Не нужно доказывать, что одна из фундаментальных системообразующих констант былинной поэтики – большая *хронологическая дистанция* между моментом сказывания и художественным временем описываемого в былине события. Эту дистанцию сказатели явно осознавали, иногда выражая это осознание непосредственно в текстах и иногда в ремарках и комментариях. Такие ремарки и комментарии не могут, разумеется, быть сколько-нибудь пространными рассуждениями, но могут строиться все по тому же принципу, выявляющему «качественное» различие эпох, — «раньше не было/было vs сейчас нет/есть». (О неизбежной закономерности именно такого противопоставления времен свидетельствует хотя бы то, что оно встречается и в некоторых текстах иных жанров и в окказиональных рассуждениях на тему прошлого; о том же свидетельствуют высказывания респондентов, в которых и намек нет на самостоятельную историческую рефлексию.) В результате такие ремарки и комментарии приобретают своего рода *историко-этнографический* характер, все так же вносящий в повествование большую ясность и информационную полноту.

(2)

a)

«Приходите ко реке ко Смородине, силушка хоробрая,
Режьте жеребья вы липовы,
И бросайте вы на реку Смородину».
(Бумаги тогда не было, липовы не тонут)...

[Аст. II, № 152, ст. 124–126, 127–128].

b)

«А есть у старого тугой лук,
А есть ещё у старого десеть стрелочёк».
(Прежде луками стреляли)...

[Аст. I, № 1, ст. 45–46]; аналогично [Аст. I, № 50, ст. 17; № 69, ст. 53].

c)

«Ты уж думу думай не со мною, а с боярами,
Со боярыми да с толстобрюхими».
(Бояра нажалили, прежде ведь было бояр!)...

[Аст. I, № 12, ст. 151–152].

d)

«Ты уж в гридню иди и лица не чти...
(Прежде у князей так комнаты те назывались – гридни)...

[Аст. I, № 12, ст. 39].

е)

Вышли они на синё морё

(Прежде не знали, какие моря)... <т. е. сейчас-то знают>

[Аст. I, № 14 – 2, ст. 465]; аналогично [Аст. I, №15, ст. 7].

f)

Поленич зазваў удалых

(Поленичи удалы это были воины-женщины, богатырского рода, воинсву учёные)...

[Аст. II, № 110, ст. 8].

g)

Они рыцарски стали тёшиться,

Сабли пощорбалисе и копья извихнулися,

Стали тенуться через гривы лошадиныя

(У их мода была)...

[Аст. I, № 46, ст. 121–123].

h)

Не садился Алёшенька в большо место в передний угол, не садился в дубову скамью богатырскую, а сел он со своим названным братом Акимом Ивановичем на палатный брус (*вот как у нас — палати наверху*)...

[Аст. II, № 212, с. 600].

О таких ремарках А. М. Астахова пишет: «Большой интерес среди пояснительных ремарок представляют те, которые дают осмысление старого исторического быта, образов, далеких от современности. Функция этих ремарок – создать восприятие предлагаемого слушателям поэтического материала именно как исторического, хотя и чуждого настоящему, но в далеком прошлом реального» [3, с. 691]. Здесь не о чем спорить (хотя и очень трудно согласиться с утверждением об «осмыслении старого исторического быта»), но стоит добавить следующее. Эти ремарки не только «создают восприятие ... материала именно как исторического», но все так же вносят в повествование максимально возможную ясность: почему вместо жеребьевки посредством вытягивания листочков бумаги с соответствующими символами, нужно бросать в реку «жеребья липовы» – бумаги не было; зачем старому «десять стрелочек» — луками стреляли; каким образом в события вмешались бояре — прежде их много было; почему «синее море» и «город незнаемый» никак не номинированы именами собственными — не знали или «немного было разведано» и т. п. Впрочем, выше приведены не все ремарки, так или иначе отсылающие к прошлому, но их целесообразно будет рассмотреть в иной связи.

Подсознательно стремясь к предельной информационной исчерпанности повествования, сказитель иногда *повторяет* в ремарках то, что уже было сказано ранее стихом.

(3)

а)

«Я тебе-то жалую

Петьдесят-то бочек зелена вина,

Петьдесят-то бочек пива пьяного,
И петьдесят боценок мёду сладкого
(Жалует это князь)...».

[Аст. I, № 12, ст. 144–147].

б)

Тут-то стар остоялся,
Говорит-то он таково слово:
«Ты уж думу думай не со мною, а с боярами,
Со боярыми да с толстобрюхими
(Бояра нажалили, прежде ведь было бояр!).
Попросите сроку на три года».
(Илья-то Муромец сказал)...

[Аст. I, № 12, ст. 149–153].

с)

... Не приехало два братца, два Суздальца < после сражения. — А. И.>
(Которы-то хвастались).

[Аст. I, № 12].

Хвастовству братьев и реакции на него Ильи Муромца посвящены ст. 219–226,
так что здесь, может быть, и стоило напомнить слушателю о братьях.

д)

Матушка Василия описывает ему трудности прямоезжей дороги в Ерусалим:

«... Да есь на дороге мелки заставы».
(Вот она дала *бла҃гословление*)... <О *бла҃гословении* было сказано в ст. 426>.

[Аст. I, № 14–2, ст. 441].

е)

Все князьи-боеры да напоззалисе,
А Илья Муромец с кнегиной да Опраксеей
Едва живы стоят.
(Он их под руки *поддерживал*)... <Об этом уже сказано в ст. 96–97>.

[Аст. I, № 28, ст. 104–106].

ф)

«Ищо нать знать послать посланников да скороходников,
Описать его всё да всё богатство-имущество».
Они прожили нонь у ей да как шесть месецёв
(Посланники)...

[Аст. I, № 30, ст. 45–47].

Стремление/любовь некоторых сказатилей к предельной ясности и исчерпанности повествования естественным образом приводит их к комментированию вещей даже совершенно (или относительно) *самоочевидных*. Возможно сказитель в (4) — d) допускал, что приезжий собиратель может и не знать слова «матица», но первые два примера, конечно, потрясают тем, как в них выражена логика эмпирического на уровне языка (к эмпирическому мы обратимся в следующей статье).

(4)

а)

Мертвая голова («голова костощёная») предвещает Василию Буслаеву:

«...И будешь лежать во товарищах». <С нею рядом, погибнув от рук «сорочи-ны злолукавой». – А. И.>

(Он ушел, она тут осталась).

Пошел-то Василий на черлен корабль...

[Аст. I, № 14–2, ст. 567, 568].

b)

Пролетала стрела калёная ко белу шатру,

Вырвала ров земли да ото сну добрые молодцы пробужалися.

Как заскакивали они на добрых коней

(Шатёр так и остался)...

[Аст. I, № 33, ст. 171–172].

c)

Все скочили здесь да ужахнулись

(Вроде как испугались)...

[Аст. I, № 1, ст. 160].

d)

Говорит тут стар да таково слово:

«Я поеду середь матицы».

(Это, вишь, серёдкой)...

[Аст. I, № 1, ст. 202–203].

Укажу на другие аналогичные случаи. Хотя, конечно, мало какие из них могут сравниться с (4) – а), b) по обнаженности желания сказителя пояснять самоочевидные обстоятельства, но пусть и не в таком обнаженном виде это желание все-таки в них заметно, на мой взгляд: [Аст. I, № 12, ст. 279; № 14 – 1, ст. 294; № 14–2, ст. 462; № 18, ст. 51; № 96, ст. 175–176], [Аст. II, № 161, ст. 41; № 189, ст. 18–20].

Несколько большего внимания заслуживают совсем не столь очевидные случаи, допускающие двойственность трактовок.

(5)

a)

Дети Соловья Разбойника сообщают матери, что «татетка» везет русского богатыря. Та возражает:

«Нет, дети мои любезные. Едет Илья Муромец, везёт вашего татетку головушкой испод, ногами вверх». (*Она уж знает*)...

[Аст. I, № 93, с. 505].

Здесь трудно уверенно утверждать, что подвигло сказителя на эту ремарку: «простое желание» констатировать самоочевидное, либо выразить свои эмоции по поводу супруги, «знающей» о тяжком положении мужа, либо, наконец, желание подчеркнуть *эмпирическую достоверность* этого «знания»: явно предполагается, что супруга Соловья откуда-то *могла узнать* о происшедшем. Скорее, все эти три смысла в данном случае нерасчленимы.

b)

«...Попросите сроку на три года».

(Илья-то Муромец сказал)...

[Аст. I, № 12, ст. 153].

Здесь сказитель не просто повторяет сказанное чуть выше, ему явно доставляет эстетическое наслаждение лишний раз, по любому поводу упомянуть Илью Муромца.

с)
Князь, погубив оклеветанную княгиню,
Э ступил князюшко да во высок терём –
Уж все ключи-замки не изломаны,
(Первое стретилось)...

[Аст. II, № 226, ст. 62].

Сказитель здесь не просто лишний раз напоминает читателю о количестве ложных свидетельств неверности супруги (трех), но и переживает назревание трагической развязки.

д)
Князь супруг оклеветанной жены, им погубленной,
И он догнал – застал три старицы
(Которые наврали)...

[Аст. II, № 226, ст. 98].

Здесь аналогично с (5) – с): возможно, в подсознании сказителя возникло ощущение недостаточной ясности повествования, но и в желании поморализовать ему здесь отказать, очевидно, тоже нельзя.

Вообще, ремарок с морализацией как *открытым и ясным выражением моральной* догмы или открытым осуждением персонажа за неблагоприятный поступок в былинах Севера [Аст. I, II] на удивление мало. Отчетливых случаев можно насчитать не более четырех, когда сказительница категорически не согласна с былинным общим местом о недопустимости хвастать женой (б) — д); собственно, это единственный в [Аст. I и II] случай «чистой морализации», не связанной с фабулой.

(б)
а)
Два брата Суздальца «порато прирасхвастались»:
«Кабы было во матушки во сырой земли золото кольцо,
Повернули мать сыру землю
(Хвастливо-то слово, видишь, мимо живё)...)»

[Аст. I, № 12, ст. 220–221].

б)
Князь
Он срубил-сказнил да буйну голову,
(Как приказано. Вот насердки что делают!)...

[Аст. II, № 226, ст. 58].

с)

Старица-клеветница молит князя не убивать ее, обещая оживить его «кнегинушку, молоденькую Катеринушку»:

«...Уж оживим пойдём твою кнегинушку,
Э молоденькую Катеринушку».
(Дальше не слыхала, не знаю, оживил или нет, думаю, что нет. Вот за враньё
что сделалось)...

[Аст. II, № 226].

d)

Да глупый-то хвастает молодой женой
(Женой нельзя и похвастать?)
Да бедный-то хвастат детьми малыма.
(У меня детей много, уж я детьми буду хвастать)...

[Аст. I, № 18, ст. 12–13].

Примыкают к приведенным случаям ремарки, содержащие мораль скорее имплицитно, чем эксплицитно, но по-прежнему *конкретизирующие* суть произошедшего в бытине:

(7)

a)

Со Льва Володовича и хозяев судна / +++спутников, прибывших в Корсунь,

Да справила Маринка тридцать три пошрины
(Она их ободрала!),
Да трое рукавки, три ватюшки,
Те за рукавки за ватюшки
Да было плочёно по три тысеци рублей
(Она его совсем ограбила)...

[Аст. I, № 15, ст. 120, 121–124].

b)

За те рукавки за ватешки
Были уплочены по три тысеци рублей.
(Не с чем пришол, всё обрала у его она!)...

[Аст. I, № 15, ст. 50–51].

Но что касается психологических и телесных качеств персонажа, а также его характера, тут сказители более красноречивы. Это и неудивительно: поставив, по А. П. Скафтымову, в центр внимания героя-богатыря и, добавив его антагониста (без которого и богатырский подвиг оказался бы невозможным), былина устами своих сказителей стремится максимально детализировать их образ и/или оценить их стати, выразить восхищение ими и/или их поступками, и не только в стихотворном тексте, но и, разумеется, в ремарках, и не всегда исключительно с сугубо информационными целями, но сообразуясь с художественной архитектоникой текста. То есть сводить ремарки сказителей только к стремлению информационной исчерпанности нельзя, но все возможные ассоциации эстетического порядка основываются в том числе и на ней.

(8)

a)

Идёт-то Василий не шатниться,

Кудерци на ём не трѣхнутси
(Он был молодой, красивой, белой!)

[Аст. I, № 14–2, ст. 446–447].

b)

Вот значит средился и пошли на корабль. Все бегут сзади, девицы ревут
(он красивый был такой, кудрявый), все ревут, не спускают...

[Аст. I, прил., № 4, стр. 342].

c)

А третьей-от хвастат своей удалью
(Шибко удалый был!)

[Аст. I, № 35, ст. 10].

d)

...Да та поленица зла удалая
(До чего эти татары задорны! Ведь она красива была)

[Аст. I, № 18, ст. 44].

e)

Только видели – Илеюшка в стремена скоцил
(Молодой стал как я!)

[Аст. I, № 40, ст. 64].

f)

«...А в третьих Олѣшеньку Поповича для храбрости
(Он не столь силен был, но храбрый)

[Аст. I, № 41, ст. 68].

g)

... А погано-то Издолище ницего сделать не могло же.
(Богатырь был тоже!)

[Аст. I, № 43, ст. 162].

h)

Разбойники предлагают Ильѣ Муромцу откуп за свою вину «сколько ему надобно»:

«Бери за нашу вину сколько надобно:
Платье цветное или табун лошадей».
(Ишь сколько нагреблено было!)

[Аст. I, № 47, ст. 27–29].

Здесь нет возможности произвести какую-то внутреннюю классификацию ремарок к внешности и поведению персонажей, имеются другие ремарки такого рода, носящие скорее эпизодический масштаб. Эта эпизодичность весьма относительна, ремарки органично встроены в архитектуру текста, но тем не менее не обладают сколько-нибудь заметным фабульным значением. См. также: [Аст. I, № 18, ст. 23; № 32, ст. 131, № 33, ст. 62; № 34, ст. 35; № 34, ст. 133–134; № 46, ст. 17; № 93, с. 502; № 96, ст. 134–135; № 97, ст. 121–122], [Аст. II, № 175, ст. 103].

Отдельного разговора заслуживают ремарки, *поясняющие причины, мотивации, мысли, подозрения и цели* персонажей и/или *раскрывающие некий «внутренний смысл»* их поступков или происходящего. Собственно, их

назначение – пролить дополнительный свет на главные грядущие фабульные события былины.

(9)

а)

Розвёл Соловей во весь свист
(Хотел всех свистом убить)...

[Аст. I, № 1, ст. 170].

б)

Хватил-то старый Соловья да Рохматовича,
Вытащил старый на широкой двор
(За это непослушание, значит)...

[Аст. I, № 1, ст. 172–173].

с)

«...Да уж ведь божьи церкви те под дым спущу,
Да чудны образы все копьём повыволю»
(Розорить хочет!)...

[Аст. I, № 11, ст. 68–69].

д)

Во правой-то руки дёржит чяру с вином,
А во левой то дёржит золоты ключи
(С зельем она вышла. Она думала он согласится... А бывает и не с зельем?)...

[Аст. I, № 15, ст. 89 – 90].

е)

Как ударил он её да тупым концом
(Он её острым не хотел ударить)...

[Аст. I, № 32, ст. 97].

ф)

...Стали Илеюшку ведь подергивать
(Побеждать хотят!)...

[Аст. I, № 95, ст. 144].

См. также: [Аст. I, № 1, ст. 171; № 12, ст. 119–122, ст. 205–206; № 15, ст. 118; № 17 ст. 30–31, 45–46; № 18, ст. 23; № 35, ст. 119; № 33, ст. 207–209; № 45, ст. 208–209; № 47, с. 332; № 95, ст. 69, 238–239; № 96; № 98, ст. 103]; [Аст. II, № 113, с. 108; № 151; № 152; II, № 157, ст. 826; № 161, ст. 16–17, 18–19; № 167; № 226, ст. 90].

В завершение следует еще раз, во-первых, подчеркнуть, что речь в ней шла не о родовых (эпических) и не о жанровых (былинных) особенностях поэтики (как они видны из ремарок и комментариев сказителей). Достаточно обратиться к мифологической прозе или волшебной сказке (не говоря уже о текстах литературных), чтобы увидеть тексты лапидарные и, напротив, предельно распространенные за счет все той же информационной полноты и исчерпанности. Но и некоторым былинным текстам эта информационная полнота свойственна. В этом смысле название статьи указывает все-таки на материал, на котором она написана, но не на его жанровые особенности. Во-вторых, в этой и предыдущей статье мы практически не касались ремарок, мотивированных личным жизненным и эстетическим опытом ска-

зителей, т. е. вопросов, относящихся к проблеме «фольклор – действительность». Им планируется посвятить следующую статью.

Литература

1. Игумнов А. Г. Актуальная поэтика былины. Статья 1 // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2016/2. С. 191–200.
2. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In *memoriam*. СПб., 2003. 464 с.
3. Астахова А. М. Некоторые наблюдения в области исполнения былин // Былины Севера. Т. II / подг. текста и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. С. 679–696.

Принятые сокращения

- Аст. I — Былины Севера, т. I / зап., вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. 656 с.
- Аст. II — Былины Севера, т. II / подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. 848 с.

CONTEMPORARY POETICS OF BYLINY

Article 2

Andrey G. Igumnov

DSc in Philology, A/Professor, Senior Researcher, Department of Literature and Folklore, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS
6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude 670047, Russia

The article deals with the comments and remarks made by epic narrators during the performance of bylina. One of the features of bylina is the aspiration of performers to maximum possible completeness and clarity of the narrative, reaching up to obvious excessiveness, this puts it on par with some other texts with developed narrative. Referring to Ukrainian Dumas, Russian mythological prose or Russian fairy tales, we can see both lapidary texts and, on the contrary, extremely distributed due to all the same informational completeness and exhaustiveness. This informational completeness is characteristic also for some epic texts. The article deals not with epic or genre poetic features but with the material as such.

Keywords: epic, poetics, performance, narrative remarks and comments.

References

1. Igumnov A. G. Aktual'naya poetika byliny. Stat'ya 1 [Contemporary Poetics of Byliny]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Buryat State University*. 2016 / 2. Pp. 191–200.
2. Putilov B. N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura. In memoriam* [Folklore and Popular Culture. In Memoriam]. St Petersburg., 2003.
3. Astakhova A. M. Nekotorye nablyudeniya v oblasti ispolneniya bylin [Some Observations of Byliny Performance]. *Byliny Severa – Byliny of the North*. Moscow; Leningrad, 1951. V. 2.